

Александр Зорич

Превращения

*Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)*

Александр Зорич

Превращения

«Автор»

2008

Зорич А.

Превращения / А. Зорич — «Автор», 2008

Однажды я придумал забавный постмодернистский сюжет. Как и требуют каноны постмодерна, этот сюжет был отчасти заемным, занимать же я, как человек дерзкий, решил ни много ни мало – у Франца Кафки. Представьте, некий молодой коммивояжер просыпается однажды утром и обнаруживает, что все его семейство – одаренная красавица-сестра, пенсионерка-мать и немолодой, но сильный духом отец – превратилось в жуков. Ситуация гениального кафкианского «Превращения» выворачивается шиворот-навыворот. И совестливый невротик Грегор Замза, преодолевая отвращение, начинает налаживать общежитие со своими родными, и все же такими омерзительными жуками... Рассказ «про жуков» я так и не начал, вероятно, побоявшись выглядеть слишком уж жалким в сравнении с великим чехом. Зато я написал повесть с названием «Превращения». В ней нет зловредных насекомых, зато есть цветы и у этих цветов с людьми складываются весьма непростые отношения.

© Зорич А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Новелла первая. Туда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Зорич

Превращения

Новелла первая. Туда

- Один билет. Взрослый, – сказала Ириша, приблизив голову к оконцу кассы.
- Один? – переспросили из сумрака. – Точно? У нас дети после года оплачиваются.
- Точно, – Ириша сунула деньги в окошечко, похожее на норку мультяшного мышонка

Джерри.

Понятно было, отчего невидимая, но почему-то легко воображаемая кассирша, женщина не бальзаковского, не писал Бальзак о таких, но скорее веркисердючкиного возраста с тусклыми волосами, зализанными бороздчатым полумесяцем гребня, переспрашивала про количество билетов. А вдруг у ног Ириши стоит, рассеянно покачиваясь, сопливый карапузик с лопаткой и ведерком, годиков этак двух, которого она попросту не видит из своей узкой и высокой амбразуры? Надо, чтобы он оплачивался.

Ириша задумчиво поглядела на красный билет и смело шагнула в алебастровые ворота, над которыми полукружила насаженная на проволоочный каркас надпись «Зоопарк».

Невдалеке от входа вымощенная тротуарной плиткой дорога разделялась на три, как в русских былинах. Имелся и межевой камень. «Хищники», «Птицы», «Обезьянник» – туда вела правая тропинка. «Жирафы», «Верблюды», «Аквариум» – средняя. «Дирекция зоопарка» – левая.

«Налево пойдешь – себя потеряешь...» – подумалось Ирише.

Она, конечно, пошла налево.

Дирекция занимала благообразно-ветхий особняк, доставшийся ей от дореволюционных отцов-основателей. Все они носили монокли, красивые немецкие фамилии и окладистые ухоженные бороды. К дверям здания вело высокое бетонное крыльцо. Многочисленная лепнина на его фронтоне казалась неряшливой, оплывшей. Да оно и понятно, ведь каждый год ее красили, не потрудившись смыть прежний слой.

Ириша села на лавку и скрестила руки на груди. Поглядела на часы. До начала обеденного перерыва оставалось шесть минут.

Ириша была уверена: Лиля ее видит. Кабинет у нее на втором этаже, рядом с кабинетом директора.

Лиля – секретарша. «Секретарша в зоопарке – звучит как издевательство. Мне никто не верит, когда я говорю!» – жаловалась как-то Лиля.

По ступеням крыльца спустился замдиректора Полянский – за два года, что Лиля и Ириша прожили вместе, Ириша успела узнать весь Лилечкин трудовой коллектив. Несколько раз Ириша даже бывала на вылазках вместе с небогатой зообратией – сосиски вместо шашлыков, корейская морковь, дешевое массандровское пойло. Полянский был полноватым блондином, безосновательно довольным всем подряд – работой, зарплатой, семьей, тремя детьми. Манера общаться у него была своеобразной. Людей он воспринимал лишь как отсветы всепроницающего мерцания великого животного царства.

«Надо же и совесть иметь – опаздывать на сорок минут, коза ты моя камерунская!» – укорял Полянский заспанную Лилю, вваливающуюся в контору в десятом часу.

«Как же это ты, нерпа моя байкальская, письмо от „Гарант-банка“ третий день до директора донести не можешь?» – журил Полянский нерасторопную Лилю.

– А ты что тут делаешь, русская моя выхухоль? – дружелюбно спросил Полянский, оказавшись возле Ириши.

– Как обычно, Лилю жду, – отвечала Ириша с хилой улыбкой выздоравливающей тифозницы.

– А-а... Лили сегодня нет... Заболела.

– Понятно, – кивнула Ириша.

Понятно было, что Полянский врет. Но человек он был симпатичный и незлой, впрочем, как и большинство знакомых Ирише зоологов. Говорить ему резкости не хотелось.

– Я просто посижу... Устала.

– А то может в «Адриану» махнем? Там на проспекте пиццерия открылась, недорогая.

– Спасибо, не хочется что-то.

Полянский ушел, по-балетному широко расставляя носки. А Ириша осталась. Она достала пачку сигарет, каждая толщиной со шнурок, вынула одну, хрустнула поддельной зажигалкой «Зиппо».

Не заболела Лиля. Лиля сейчас заливает сублимированное картофельное пюре кипятком и нарезает плавленый сырок, похожий на кирпичик старинного белого мыла. Иногда поглядывает в окно из-за полосатой занавески, не ушла ли Ириша.

Нет, в глубине души Ириша не верила, что Лиля вдруг раздумает, вернется.

Но знать, что Лиля ее по крайней мере видит, по крайней мере, они рядом, включены в одну игру (одна страдает, другая глумится) – это казалось ей... не то чтобы правильным, но единственно возможным. Казалось, от этого болит внутри чуточку меньше.

«Любовь – это единственный наркотик, которым можно злоупотреблять» – эту формулу Ириша вывела давным-давно и счастливо ей следовала. Теперь она чувствовала: с формулой что-то не так. И от этого святого наркотика, оказалось, бывает ломка.

Ириша покинула свой пост за минуту до окончания обеденного перерыва. Нет, Лиля не выйдет, это ясно. Как не вышла вчера, позавчера (хотя нет, позавчера Ириша не приходила – надо было сдавать отчет) и месяц назад.

Что ей, написать масляной краской на асфальте «Лилечка, я люблю тебя! Вернись!», как делают подростки? Или, может, письмо: «Я к вам пишу – чего же боле?» Или что?

«Ничего, блин, тут не поможет...» – понурившись, Ириша покинула свой скорбный пост и зашагала к пруду, удаляясь от особняка дирекции.

У белого лебедя шея была желтой, но все равно – красивой желтой. Эти лебеди будоражили Иришино воображение своим сходством с банальными деревенскими гусями. Вот взяли гуся, вытянули ему шею сантиметров на двадцать и получилось... ведь божественно!

«Кто бы меня так вытянул... в метафизическом смысле...»

Уссурийский тигр утробно урчал, мученически разлегшись на пахучем бетонном дне своего всюду зарешеченного котлована.

Дрогнул драгоценным, все еще продольным хвостом петушок-павлин, вот он чуть присел, напряг крылья и... раскрылся – широко и многоглазо. Ириша просунула между прутьев павлиньей клетки крошащийся шмат печенья «Юбилейный букет».

Буйволица лежала на брюхе, в грязной луже, подогнув под живот ноги и свесив до самой земли черный жировой нарост на груди. Буйволица смотрела на Иришу с усталым презрением (впрочем, это выражение культивировали многие травоядные обитатели клеток, особенно ламы). Блестела на апрельском солнце мармеладина ее большого, реснитчатого носа.

Опершись на металлические перила – краска с них, кажется, облезла еще при Андропове – Ириша смотрела на буйволицу. Сквозь буйволицу. Думала о Лиле.

– Девушка... – позвали ее.

Ириша обернулась. Нахмурилась. Сейчас начнут «клеить». Внутри у нее все сжалось от нежелания что-либо объяснять. Рука потянулась к воображаемой копии геббельсовского пистолета.

К ней приближался немолодой, похожий на заводского бригадира мужичок, с испитым лицом постаревшего деревенского красавца, одетый не только не по сезону, но кажется, что и не по эпохе – тусклая кроличья шапка-ушанка, серое драповое пальто, буро-красный с вызывающей зеленой ниткой мохеровый шарф. Тонкий, антично-правильный нос мужчины был малиновым, как у пьяниц с пожелтелых карикатур из журнала «Крокодил».

– Не знаете, где тут братья наши меньшие? – как-то не по обстоятельствам удало спросил мужичок. От него разило спиртным, он об этом знал, и сие обстоятельство сообщало его повадке классическую народную стыдливость.

– В смысле? – озадаченно спросила Ириша.

– Макаки... Бабуины эти... – мужчина сделал неопределенный скругляющий жест рукой и зачем-то добавил:

– Двадцать пять лет уже тут не был. Как на севера уехал, так всё.

– Ну... – Ириша наморщила лоб, припоминая кратчайшую тропку к обезьяннику.

– А женка говорит, сфотографируй макаку. Обещай, говорит, что макаку сфотографируешь. Ну мне это дело запросто, – в подтверждение своих слов мужичок вынул из кармана мобильный телефон из племени дорогих, дорогуших и повертел им перед собой.

– Вон, смотрите, там бегемотник. За него зайдете – будет здание с зеленым куполом. Вам туда.

– Ой, спасибо тебе! Ой, спасибо! – преувеличенно обрадовался мужичок. – А то ж пообещал Варваре Андревне, надо делать...

Что-то такое теплое, настоящее, как домашней выпечки хлеб, проступало сквозь слова северянина, словно рядом с ним невидимая Варвара Андреевна из неведомого северного Суходрищенска сейчас шла, мелко переступая полными ногами, обутыми в начищенные черные ботинки на невысоком каблуке. Словно они вместе гуляли по зоопарку, она – в платочке, повязанном под подбородком, он – в своем этом свалявшемся кролике, искали дорогу в обезьянник, где потеха и умора, Петренки не поверят.

«Ну вот... Даже у этого есть пара... А у меня – у меня нет», – всхлипнула Ириша и ее едва не разорвало изнутри от чувства жалости к себе.

– Как тебя зовут-то? – спросил на прощанье мужик.

– Лена, – зачем-то соврала Ириша.

Ну то есть понятно зачем соврала. Ей не нравилось ее имя – резкое, короткое, внутри которого благодаря какому-то гнусному парадоксу размерности помещались и ИРА – айэрэй, Ирландская Республиканская Армия – и мусульманский страдалец Ирак, и детсадовское дразнительное «ира-пира-в-жоппе-дыра». А вот «и радость», которая там могла бы помещаться, в смысле «и-ра-дость», была ободрана до этого самого «и-ра», «ира». Нету радости. И ра. Шальная пуля всю радость оборвала. Шальная Лиля.

Мужичок ушел. Ириша осталась стоять напротив равнодушно жующей буйволицы. Та, казалось, все поняла и злорадствует.

Гарри был астролог. А заодно – Иришин одноклассник. С окончания школы прошло четырнадцать лет, и все эти годы они более-менее дружили.

Благодаря Гаррику Ириша неплохо знала куций астрологический бомонд родного губернского города. На Иришин профанский взгляд, астрологов и астрологинь объединяло, помимо, конечно, септенера планет, лишь одно – у них были редкие имена.

Жену Гарри звали Малгожата.

Напарника Гарри по астрологической консультации – Сократ (он был сыном греков-коммунистов, удравших в СССР при «черных полковниках»; те нарекли новорожденного в честь дедушки-рыбака, оставшегося тужить в местечке Агиос Николаос). Учителя Гарри, местного патриарха, звали Маркс Иванович. Именно «Маркс», в честь того самого, что в соавторстве с

приятелем Фредди писал о европейских похождениях призрака коммунизма. Из разговоров с Гарри Ириша знала: где-то в эpsilon-окрестности Гарики имеют место также Делия Ставровна, некто Фелициан и молодое астрологическое дарование Чарик (впрочем, в том, что последнее является именем, а не прозвищем, Ириша уверена не была).

Обычно Ириша заходила к Гарику просто так – попить чайку в обеденный перерыв, посплетничать, благо астрологическая консультация, где он работал, располагалась в самом центре, в пятнадцати минутах от богатой, цветметом торгующей конторы, где служила бухгалтером Ириша. Но случалось, заходила и с корыстной целью – поплакаться в жилетку. Гороскопа (Ириша уже знала, что «гороскоп» говорят только профаны, а люди культурные говорят «натальная карта» или «натал») Ириша никогда у Гарики не заказывала. Впрочем, Гарик все равно построил его, еще будучи слушателем Высшей Астрологической Школы. Отчасти на нем, Иришином гороскопе, он упражнялся в своем космическом человековедении (даже написал работу «Взаимоотношение Лилит с Черной луной на материале гороскопа женщины со склонностью к перверзиям»), и это, как он считал, давало ему основания утверждать, что он видит Иришу насквозь.

«Я знаю все твои трещинки, о-у-у!» – пел Гарик Ирише на Земфирин мотив. Ириша делала вид, что сердится.

– Ну-с, барышня, как дела? – Гарри придвинул к Ирише плетеное кресло, в которое та с облегчением сгрузила свой упругий задок.

– Еще не родила, – пробурчала Ириша. – Кофе нальешь?

– Почему бы нет. У меня есть... – Гарик со значением посмотрел на часы, – пятнадцать минут. Если клиентка опоздает, то двадцать или больше. И все же, как дела?

– Ху*во.

– Сейчас Раиса тебе кофе набодяжит... Кстати, насчет этого слова, – в отличие от большинства Иришиных знакомых, Гарри почти не употреблял муттершпрахе. Вероятно, из каких-то особых оккультных соображений. Однако шибко любил о ней порассуждать. – У меня есть один клиент постоянный. Писатель, детективщик. Вчера звонил, жаловался на ужасы цензуры.

– Что за ужасы?

– Вот, говорит, получил из московского издательства редактуру своего нового романа. Так там на триста страниц всего одна правка. Ровно одна. Но какая! Представь, у мужика бандиты убили всю семью – жену, детей и даже бабушку. Отомстили, значит. Друг этому мужику звонит и спрашивает: «Как дела?» А мужик отвечает – «Ху*во!» Ну как ты только что. А в издательстве это слово заменили на «фигово». Можешь себе представить? Мужик, у которого убили всю семью, отвечает: «фигово». Еще бы на «фиговенько» заменили!

Ириша, хоть была не в духе, все же сумела улыбнуться Гарику. Улыбка вышла кривой, вполрта. Меж тем, Гарик только того и надо было.

– А теперь я жду подробностей... – Гарик отвалился на спинку своего кресла, сложил пальцы замком и сделал бесстрастно-возвышенное лицо практикующего астролога.

– Гарик, Лиля ушла...

– Это я знаю. Ты еще в декабре, кажется, говорила.

– Понимаешь, тогда я думала, что она не навсегда ушла. А теперь думаю – навсегда.

Гарик был в курсе насчет Ириши и Лили. Он относился к Иришиным пристрастиям толерантно, хотя временами, на правах старого друга, позволял себе потрепанные каламбуры вроде «лесбиянство хуже пьянства».

– Ну и?

– И мне очень больно... – Ириша положила на стол руки, уронила на них голову и зарыдала так сладостно, словно с самого утра готовилась к этим освобождающим мгновениям.

Гарик не стал ее утешать. (Ириша помнила, он говорил, что у него в кабинете часто плачут клиентки, и даже, случается, клиенты.) Только подтолкнул к ее локтю коробочку однора-

зовых салфеток и вновь уселся на свое место – кожаное «директорское» кресло с высоким подголовником, выбранное явно с фэн-шуйным умыслом символически подавлять визитера. Сквозь собственные всхлипывания Ириша слышала: о стенки кофейной чашки Гарика с фарфоровым звоном колотит крохотная кофейная ложка.

– Как ты считаешь, я могу тебе помочь? – спросил Гарик, переждав первый ураганный натиск рыданий.

– Может быть, – прогундосила Ириша, опорожня свой свекольный нос в шелковистую салфетку, она появилась из коробочки с той же упругой элегантностью, с какой алый платок покидает цилиндр фокусника.

– Чем?

– Ну я не знаю... Может, астрологией этой своей...

– Ты же в нее не веришь!

– Ну... как ты там говорил... Луна в соединении с Марсом... – припомнила Лиля.

– У тебя, родная, Венера в соединении с Марсом.

– Это они за извращения отвечают с точки зрения астрологии?

– С точки зрения астрологии... точнее, той астрологии, последователем которой являюсь я, поскольку их много, этих астрологий, извращений в любви нету в принципе... Есть сложные случаи и простые случаи. У тебя сложный случай. Склонность к... гхм... однополю любви не является проблемой до тех пор, пока человек сам не начинает воспринимать эту склонность как проблему. Или у тебя уже начался... этот этап?

– Н-нет... Мне это не мешает.

– Значит, нет проблемы?

– Есть! Мне надо Лилю вернуть! – Ириша вновь уронила голову на сведенные вместе кулачки и беззвучно затряслась.

– Но вернуть Лилю я не могу... Я тебе что – колдун, подколдунок? Я приворотами не занимаюсь. Это вон в ДК Милиции сходи, там одна сейчас как раз выступает... Заезжая цельница... Эвелина... Эсмеральда... забыл.

– Ну хотя бы эту... составь... ну эту карту... которая карта отношений. Помнишь ты рассказывал? Твой гороскоп накладывается на гороскоп партнера...

– Синастрию мы не успеем. Сейчас клиентка явится. Ну то есть я могу составить, но попозже. Но только что это тебе даст? – чувствовалось, что-либо составлять бесплатно Гарика лень.

– Даст что-то... Может, поможет ее вернуть...

– Ира, – торжественно провозгласил Гарик. – Ирина... Астрология не в силах кого-либо вернуть. Астрология может лишь рассказать, какой он – тот, кого ты собираешься вернуть. Вдруг ты и возвращать-то передумаешь?

– Я про нее все знаю... Про эту дрянь... Но все равно!

– Ира, – голосом усталого гипнотизера продолжил Гарик, – посмотри на меня и прекрати истерику.

Ириша подняла на друга красные глаза и принялась как-то очень по-детски, пальцами растирать набрякшие веки.

– Если ты не можешь вернуть Лилю, найди ей замену. Это мое последнее слово. Мало, что ли, баб в городе? Сходи в этот свой... «Винни-Милли». Познакомься с кем-нибудь. Ты же сама говорила – при капитализме не существует дефицита услуг, существует только дефицит денег! Если мы посмотрим на любовь как на услугу...

– Что за чушь ты несешь...

– Ира! – Гарри поднялся со своего кресла и подошел к Ирише, начиная сложный маневр прощания-выпрощивания.

Дверь в кабинет распахнулась, в щель просунулась лисья морда администратора консультации Раисы Георгиевны, порядочной несчастливой женщины со стандартным набором эзотерических заскоков и брошью в виде черно-белых головастика «инь-ян».

– Гарри Всеволодович, голубчик... Там пришли. Ждут.

– Ну хоть бы совет дал какой, учитель Йогурт... – с укором проворчала Ириша, наворачивая на шею длинный кашемировый шарф.

– Совет? Легко. Я же все добивался от тебя, чего тебе надо...

– Мне надо совет.

– Купи себе орхидею.

– Чего-о?

– Орхидею. Себе. Купи. Дорогую. И приходи через неделю.

– Шутишь?

– Ни секунды.

Гарик чмокнул Иришу в щеку. И улыбнулся той хитрой улыбкой, с которой двадцать лет назад подстрекал пионерку Иришеньку Вербник палить спичками тополиный пух на школьном дворе и стрелять из рогатки по прохожим с балкона своего шестого этажа.

Глухо захлопнулась дверь за Иришиной спиной.

– Сложный случай... У девушки личная трагедия... Такой взрыв эмоций... Прошу простить меня за задержку, – сказал Гарик уже новым, каким-то углубившимся и как бы разболевшимся голосом, голосом-альфонсом, пожилой клиентке. Та, медноголовая, в перстнях и с жизнерадостно-рыжим шиньоном на затылке, жабой надувшись перед телевизором в приемной, глядела сериал про украинскую няню.

– Пей, пей, моя кисонька! Жарко... Как следует пей! – ласково приговаривала Ириша, опуская прозрачный горшок с орхидеей в таз с теплой водой. Таз стоял на дне белой акриловой ванны с блестящими оспинами форсунок джакузи. В этих форсунках, помнила Ириша, летом любят прятаться домовые пауки.

Она осторожно поставила горшок на дно таза. Вода медленно затопила бугорчатый торф в горшке. Ириша бдительно следила за тем, чтобы орхидейкины листья не опустились в воду, им это вредно, могут случиться желтые пятна, а в центре розетки и вовсе не должно оказаться ни капельки – а то ведь загнить может.

Ириша отмерила пятнадцать минут на наручных часах. Опустилась на накрытый крышкой унитаз. И, крестом сложив руки на коленях, принялась с умилением разглядывать свою прелесть.

Она была уверена: когда «кисонька» пьет, она становится не такой, как обычно. Чуть более рассеянной, даже недовольной, что ли. Такая милая!

Прошло две минуты. Ириша обеспокоенно вскочила. Опустила палец в воду – не горячая ли?

Ей вспомнилось, как полтора месяца назад она покупала кисоньку-кисулю в цветочном отделе мегамаркета «Фудлэнд», решившись-таки последовать странному совету Гарика.

– А какой температуры должна быть вода? – спросила начинающий цветовод Ириша у продавщицы. Фирменный «фудлэндовский» желто-красный комбинезон и бейсболка не очень-то шли этой женщине с внешностью беспутной доярки.

Доярка отсчитывала сдачу. Ириша неуверенно прижимала к животу сверток с орхидеей – это же как с младенцами, не знаешь, как их держать, и чтобы крепко, и чтобы синяков не оставить...

– Вода? Вода должна быть такой... ну такой... – сунув в ладонь Ирише горсть скомканных сторублевок, продавщица перешла на доверительный полусшепот. – Ну такой же, какой ты, деточка... подмываешься.

– Ясно, – кивнула Ириша. По сути, это был первый намек на истину, которую ей предстояло открыть совсем скоро.

Вода в тазике была в точности такой, как надо – температуры парного молока.

Ириша вздохнула с облегчением.

Пятнадцать минут прошло, на исходе была шестнадцатая. Но Ириша не торопилась – она видела, кисуля еще не напилась. Как и Лиля до нее, орхидейка кушала медленно, жеманничая над каждым глотком.

Используя свободную минуту, Ириша принялась читать надпись на этикетке с новым удобрением. «Азот, фосфор... Калий... Не многовато ли фосфора?»

– Через недельку мы с тобой вот что попробуем... Видишь? – Ириша постучала длинным алым ногтем по зеленой бутылке с удобрением. – То-то... Диких денег, между прочим, стоит... Не нравится? Это ты зря. Надо сначала попробовать.

Ириша точно не помнила, когда именно она начала разговаривать с орхидеей. Но была уверена, что с самого начала эти беседы казались ей естественными и ничего комичного или тем более ненормального она в них не усматривала.

Это была такая приятная игра. Как бы игра. Ну то есть не игра вовсе. Ириша была уверена – ее слышат.

Поначалу, усаживаясь за работу (случалось ей сводить дебет с кредитом и дома), она ставила горшок с цветком слева от компьютера.

Потом придумала водружать его на кресло напротив рабочего стола – некогда в нем любила сживать хроническая бездельница Лиля. Вот, бывало, воскресенье. У Ириши – очередной аврал. Завтра нести в налоговую выстраданный талмуд документации. Лиля, еще в ночнушке, несмотря на поздний час, придет, усядется в это кресло, подберет под себя ноги, уронит свою красивую голову на плечо, и смотрит, смотрит своим сонно-задумчивым взглядом куда-то за окно (там пыльные электрички, стуча, уносили дачников в их убогие поместья). Словно бы вместе с Иришей считает, сверяет, сердится...

Теперь Ирише помогала кисуля.

С Лилей кисулю роднили не только капризность. Задумчивость и некая инобытийность была свойственна красоте обоих. Ириша могла часами любоваться прелестным разворотом кисулиных лепестков, в котором неким волнующим образом сочетались целомудренная стыдливость и крайняя распушенность. Оба этих качества были свойственны и Лиле, которая уверенно жонглировала ими, в зависимости от того, что в данный момент сулило ей большую выгоду. Однако, в отличие от кисули, Лиля терпеть не могла, когда Ириша ею любит.

– Прекрати пялиться... Когда ты так смотришь, ты похожа на какую-то сумасшедшую извращенку... – шипела она гневно.

Как видно, в глубоком колодце Иришиного чувства Лиле не звезды мерещились, но бездны.

Как и Лиля, кисуля ненавидела сквозняки. Требуя, чтобы Ириша закрыла фрамугу, Лиля жаловалась на все существующие болезни разом – и на какое-то наследственное заболевание почек, и на слабый иммунитет, мол, грипп всюду, вирусы, а летом, помнила Ириша, Лиле не давали покоя лютые комары. При Лиле Ириша не открывала окон. В Иришиной квартире всегда было влажно и душно. Когда Лиля пропала, Ириша продолжала истово соблюдать Лилины запреты («ведь вернется!»). В день, когда она принесла свой фаленопсис «Джамбо де Превиль» (так звали кисулю «по документам») и установила его на подоконник, на градуснике было тридцать два. Однако кисуле понравились все тридцать два и Ириша почувствовала: так правильно.

В повадках кисули обнаружилось так много родного...

Например, она обожала музыку.

Кисуля требовала, чтобы Ириша закрывала на ночь шторы (Лиля – та не одобряла занятий любовью при свете).

Кисуля жгуче ненавидела общество куцей драцены и никогда не цветшего кактуса (других растений у Ириши не было). Лиля же презирала общество Иришиных родственников, коллег и друзей. Ирише пришлось убрать впавшие в немилость растения на кухонный подоконник и раздружиться с кое-какими приятелями. Впрочем, и то, и другое она сделала без сожаления.

Когда же все требования бывали соблюдены, кисуля, как и некогда Лиля, как-то по-особенному полно умиротворялась. Не глядела букой, не язвила и не ныла. Но расправляла лепестки и начинала источать оргиастический нектар Абсолютно Счастливого Существа...

Кстати о друзьях и обществе. Гости бывали у Ириши нечасто, но мало кто из визитёров удерживался от того, чтобы тайком хихикнуть в кулачок, заведя раздетую кисулю на широкой кружевной салфетке... Некогда Ириша ловила сдавленные смешки и скабрёзные взгляды, представляя Лилю приятелям «из нормальной жизни».

– А это Лиля, моя подруга. Ей негде жить, поэтому сейчас она живет у меня.

«Знаем мы таких подруг...» – снисходительно улыбались гости.

Но, как когда-то и с Лилей, Ирише было нисколько не стыдно.

Однажды Ириша наконец-то решила сформулировать свое открытие, свою истину: орхидеи – это как бы отчасти женщины. И обращаться с ними следует как с женщинами...

Вскоре, когда Ириша осознала, что даже не подозревает, чем подкармливать кисулю, она накупила себе иллюстрированных книг по домашнему разведению орхидей. Принялась читать. И что же? По некоторым смутным намекам – где интонация, а где вычурный двусмысленный оборот – она с удивлением, переходящим в восторг, обнаружила: авторы тех книг тоже ее истину знали! «Орхидея странно воздействует на цветоводов-любителей... Сумасшедшие коллекционеры доводили себя до разорения, чтобы утолить свою страсть и завладеть редким растением, которое с трудом цвело даже в самых роскошных оранжереях викторианской эпохи...» – писали в «Большой энциклопедии комнатных растений» на странице триста семьдесят четвертой.

«Выходит, я всего лишь променяла одну женщину на другую. Оно, конечно, вышло бы смешнее, если бы я променяла Лилию на Розу, но и так, в общем, символично», – размышляла Ириша, покачиваясь в медленном гамаке на границе сна и полусна. Под окном искрила электрическая колбаса полуночной электрички. В полуметре от ее кривой, на рогалик похожей ортопедической подушки, потакал теплым кондиционерным ветрам и сполохам сине-зеленой весенней ночи, степенно покачивая крыльями цветков-бабочек, длинный, буро-зеленый стебель фаленопсиса вида «Джамбо де Превиль».

Каждый раз проходя мимо безликого серого здания, где располагалась астрологическая консультация Гарика, Ириша ощущала себя как будто виноватой. Обещала зайти через неделю, а ведь таких недель пролетело уже восемь... Перед ее мысленным взором вставало бледное, с лошадиной челюстью лицо Гарика. Выражение его глаз было как обычно выжидательным. «Ну что там у вас, барышня?» – будто спрашивал он, отмахиваясь от сигаретного дыма.

Нет, обиды на Гарика Ириша не затаила. И не тяготили ее чудные астрологические разговоры. И даже тот, повышенной концентрации раствор сумасшедших, в котором приходилось добывать себе пищу акуле-Гарику, ее, нежнокожую, не раздражал, скорее уж забавлял и наводил на полезные размышленья. В конце концов дотошные прохвосты из торговой фирмы, где она работала, были такими же психами, разве что галлюцинации видели чуточку другие, где у первых ректификация и ундецили, у вторых – счета-фактуры и «черный аудит».

Причина охлаждения была другой: Ирише стыдно было признаться Гарику, даже ему, что его орхидейный совет, такой простой, первобытной симпатической магией отдающий, ока-

зался тем самым решением, нет, не так – Решением той самой Задачи, что доводила Иришу до исступленья с самой зимы.

Как-то это унижало человеческую природу, что ли...

Ведь Ириша привыкла думать, что душа – это кружевные потемки, что она – структура, этакая живая машина, в сотни раз более сложная, чем всякий компьютер или японский робот. И если в этой машине что-то ломается, чинить ее, подкручивать ее разболтавшиеся винты своей божественной отверткой должен Господь Бог лично. А тут – купила цветок, принялась лелеять его и... всё наладилось, затянулись гноящиеся раны, рассеялась, как злое наважденье, боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.